

А.Райн

Хроники
Абсурда

Александр Райн

Хроники Абсурда

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67693193
ISBN 978-5-98517-549-3

Аннотация

Как отметить свой сто восемнадцатый день рождения? Как стать вегетарианцем и не лишиться при этом всех близких? Кто такой вор по вызову? О чём на самом деле разговаривают дети в песочнице? И кто же такой чайный барон? Эти и многие другие вопросы задают себе каждый день тысячи людей по всей стране.

Нет? Не задают? Странно...

Но если вам всё же захотелось узнать правду...

Перед вами сборник ответов на все эти и другие, ещё более невероятные вопросы. Нужно только начать читать, а дальше, гарантирую, вопросов станет ещё больше.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Вор по вызову	4
Всего лишь фикус	10
Дворник	18
Просвещённый	30
Опасная подработка	37
В песочнице всё серьёзно	43
На сайте знакомств	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Райн

Хроники абсурда

Вор по вызову

Эрнеста Михайловича на почте любили все, особенно начальство. Директор всегда говорил: «Хороший ты мужик, Михалыч! Добрый, отзывчивый, вежливый, а главное – работающий! Вот именно поэтому нам с тобой будет прощаться очень тяжело. Но, сам понимаешь, молодая кровь с современной техникой на «ты». Леночка нам продуктивность повысит, а это главное для клиентов».

Эрнест посмотрел в сторону выпускницы парикмахерского лица, которая уже полчаса искала провод от беспроводной мышки. Тяжело вздохнув, он расписался в заявлении на увольнение.

Все провожали Михалыча со слезами на глазах, особенно новенькая Леночка. Михалыч стажировал её месяц, но так и не смог объяснить последовательность Ctrl+C и Ctrl+V, а от слов «Microsoft Office» Леночку до сих пор трясло. Последний раз, когда она попыталась поменять шрифт, у всего района отрубился интернет и погорели блоки питания.

Эрнест имел колоссальный опыт работы длиной в сорок лет. Он был воспитан до омерзения и образован, всегда вы-

глажен, причёсан и напоминал классические «Жигули», которые тридцать лет стояли в гараже и были в полном исправном состоянии: родная краска, оригинальные детали. Только вставь ключ в зажигание – и аппарат будет работать как часы. Но кому какое дело до классики, когда в салонах полно новеньких иномарок?

На собеседованиях Эрнесту вежливо отказывали, грубо называя дедушкой, но он не унывал и каждый раз с надеждой шёл обивать новые пороги. Но в один прекрасный день пороги закончились.

Примерно в то же время стали заканчиваться и деньги. Оставалось или воровать, или просить милостыню. Честный и порядочный Эрнест отстоял от звонка до звонка неделю (с перерывами на чай из термоса) в подземном переходе, но так ничего и не заработал.

Ответственный работник заступал на пост всегда опрятным, как и полагается человеку, работающему с населением. Лучший костюм был выглажен и пах парфюмом, причёска уложена, а ботинки начищены. Эрнест просто не мог выглядеть иначе на людях. Гордо протянув руку, прямой как лом, он молча ждал подачек, словно нёс службу в кремлевском карауле. На его фоне местные попрошайки выглядели как ветераны-погорельцы, у которых только что забрали всех котят. Они неплохо поднялись за время работы Михалыча, но делиться с ним не хотели, а когда Эрнест ушёл, тоже очень расстроились.

Оставалось воровство. Эрнест тяжело вздохнул и пошёл выбирать инструмент в магазине, где у него есть скидочная карта. Там его проконсультировали, какой фомкой лучше вскрывать двери, а также продали по акции перчатки и бахилы.

Грабить Эрнест решил недалеко, на соседней улице. Он всегда мечтал работать рядом с домом.

Пообещав самому себе, что всё награбленное он вернёт с пенсии, мужчина вышел на дело.

Найдя нужную дверь, Эрнест потратил около сорока минут на то, чтобы её вскрыть. За это время он успел поздороваться со всеми соседями и даже помог донести матрас одной женщине на верхний этаж.

Как только вор проник в квартиру, его тут же встретил местный кот, который жался к ногам и жалобно мяукал. Эрнест прошёл на кухню, но, не обнаружив кошачьей еды, быстренько сбегал в магазин и купил на последние деньги три влажных пакетика.

Как только пушистый был накормлен, Михалыч зашёл в комнату, где его чуть не хватил удар. Посреди зала стояла гладильная доска, а на ней – утюг, который забыли выключить из сети. Вся комната пропахла раскалённым металлом. Выключив прибор, Эрнест бросился к балкону, чтобы проветрить помещение. Там он увидел несколько горшков с цветами, которые загибались от жажды. Набрав воды, Эрнест напоил бедные цветы и вернулся в комнату.

Квартира была заставлена дорогой техникой. Глаз Эрнеста упал на телевизор, который был размером с него самого. Михалыч поколебался, но брать его не стал, мало ли – разобьёт по дороге, потом не расплатишься.

На столе лежал упитанный конверт, на котором числился адресат без индекса. Эрнест знал на память более сотни индексов и быстро вписал нужный, оставив свои отпечатки на шариковой ручке. Затем прикинул вес конверта, подержав его на ладони, и приклеил три марки, которые всегда носил с собой.

Из денег Михалыч нашёл только пачку евро. Но, понимая, что ими нигде не расплатиться, решил оставить наличные на месте.

Единственными найденными украшениями были два обручальных кольца в вазочке. Эрнест потянулся было к золоту, но потом отдёрнул руку: только ЗАГС может лишить людей таких вещей, пусть и условно.

На полке он заметил пивной стакан с мелочью. Потратив некоторое время, Эрнест насчитал пятьсот рублей. Этого вполне могло хватить на какое-то время. Но желудок сводило от голода, и мужчина двинулся на кухню. Там на разделочном столе он обнаружил неразобранные пакеты с овощами, мясом и рисом. Эрнест сварганил целую сковороду своего фирменного ризотто и, съев небольшую порцию, вымыл тарелку вместе со всей посудой, что была в раковине.

Перед уходом Эрнест Михайлович оставил записку, в ко-

торой написал следующее:

«Глубоко сожалею, что вынужден был вас ограбить. Обещаю, что верну всё, как только будет такая возможность».

В конце поставил подпись, дату, инициалы и оставил номер телефона, на который можно прислать счёт за съеденные продукты.

Вечером у Эрнеста случился приступ совести. Он не мог сидеть, не мог ходить, не мог спать. Мужчина ненавидел себя за содеянное, обещая молчаливым стенам утром отправиться в полицию с поличным. Но внезапное СМС отменило явку с повинной.

С незнакомого номера Эрнесту пришло следующее:

«Добрый вечер. Скажите, не могли бы Вы приходить нас грабить три раза в неделю – по вторникам, четвергам и субботам? Предлагаю оплату в полторы тысячи за ограбление, деньги оставим там же, в стакане».

Ошарашенный таким поворотом Эрнест тут же согласился, хоть и не понял смысла.

Через две недели его жертвы сообщили своим друзьям о том, что их постоянно «грабят», и те тоже попросились к Эрнесту в график. А потом появились и другие, и третьи. У Эрнеста почти не было свободного времени, «грабежи» были расписаны с утра и до поздней ночи. Иногда ему приходилось даже кого-то передвигать или записывать на месяц вперёд. Через год Эрнест Михайлович ушёл в отпуск, чем сильно расстроил своих жертв.

Он стал самой знаменитой криминальной фигурой в городе, и ему срочно нужно было расширяться. Благо, в его старом почтовом отделении начались массовые сокращения по возрасту. Эрнест звал всех к себе. Но брал на работу только честных и порядочных воров, а главное – трудолюбивых.

Всего лишь фикус

Катя всегда мечтала о кошечке или собачке, но вместо этого ей подарили на день рождения фикус.

– Ну и зачем он мне?! – топала ногами девочка-подросток так громко, что у соседей каналы на телевизоре переключались сами собой.

– Затем! Ответственности поднаберёшься. Если через год не помрёт, подарим тебе животину, какую захочешь, – в ультимативной форме ответил отец и поставил на подоконник нового жителя.

Имя цветку было придумано быстро – Валера, в честь отца-дарителя. Валеру Катя ненавидела всем сердцем. Его возможная смерть не сильно пугала девочку, потому поливала она фикус чем придётся: чаем, колой, апельсиновым соком – в зависимости от того, что оставалось на дне недопитого стакана.

Фикус, видимо понимая, что выпендриваться особого резона нет, питался тем, что давали, и помалкивал.

Несмотря на то, что в комнате и без него был постоянный бардак, Валера почему-то мешался больше всего. То окно не даёт до конца открыть, то Wi-Fi из-за него плохо ловит. И даже в самом тёмном углу он создавал невероятные неудобства, занимая место рюкзака.

Пару раз отец забирал тёзку из подъезда, куда Катя вы-

селяла его к дальним родственникам, кучковавшимся на узеньком подоконнике и служившим пепельницами всяким залетным квартирантам.

Ближе к лету у Кати начались экзамены, которые в совокупности с проблемами в личной жизни стали причиной типичного подросткового невроза.

Приходит она как-то домой и чувствует, что вот-вот разревётся. Выговориться хочется, а некому. Родители – те ещё динозавры, не поймут ничего. Отец – бывший боксёр, сразу на антресоль полезет за своими перчатками, которые весь вечер будет штопать и вздыхать о том, что «был бы пацан, было бы проще». Мать же все душевные проблемы лечит исключительно песнями Булановой и тортом «Наполеон», который способна съесть в одиночку за один присест.

Позвонить бы лучшей подруге, да вот только парень Катин к ней как раз и ушёл.

Девочка искала глазами жертву, которая сможет принять на себя груз непомерных девичьих страданий и не расклетиться, а главное – дать совет.

Из жертв были только Познер по «Первому» и Валера, молча произрастающий на подоконнике.

Владимир Владимирович мужик, конечно, хороший, образованный, совет дать способен любому, да вот только он уже вёл беседу с гостем программы, а до Катиных проблем ему, разумеется, было как кассиру «Пятерочки» до глобального потепления.

Делать нечего. Катя налила себе стакан горячего чая, Валере для антуража тоже поставила бокал с холодной водой. И стоило ей только открыть рот, как незаметно пролетело пять с половиной часов.

Катя то и дело меняла остывший чай на горячий, не отхлебнув и глотка, а вот Валера, впервые за полгода отведавший настоящей воды, сиял и радостно шевелил листочками.

На следующий день Катя проснулась с чувством полного исцеления. Валера в знак благодарности был протёрт от пыли и ещё раз полит.

Умеющий слушать и слышать фикус оказался отличным психологом, и Катя стала его частым и единственным клиентом.

Много было у них всего. Валера стоически выдерживал любые Катины порывы. Он одинаково мудро реагировал на слёзы и радость, спокойно и без осуждений выслушивал нелепый детский мат и всегда давал самые мудрые советы, не произнося при этом ни слова.

Спустя год со дня появления зелёного жителя отец зашёл в комнату к Кате и торжественно представил ей нового, рыжего. Кот с надменным выражением лица вальяжно спрыгнул с отцовских рук и тут же поскакал в сторону фикуса.

– Эй! – крикнула Катя. – Усатый, ты чего удумал?!

Она схватила наглого котяру за шкурку, но тот, дерзко мякнув, рассек девочке руку и набросился на неспособного дать сдачи Валеру, вцепившись зубами в тонкий стебель, за

что в итоге был депортирован в соседнюю комнату.

– Ты же хотела кота, разве нет? – удивился отец, когда Катя заявила, что зверю нет входа в её обитель, и если хотя бы один листок упадёт с Валеры, то котяра официально перейдёт в разряд десантников.

– Чтобы он моего боевого товарища сожрал? Ага, щас!

К счастью, кота с радостью забрала соседка, у которой дома был целый зоопарк. Несмотря на новое жильё, кот ещё несколько раз прокрадывался в квартиру к Кате, порываясь откусить сладкий стебель, но, получив пару раз тапкой по наглой усатой морде, всё же осознал, что оно того не стóит, и спокойно принялся за местный гербарий.

Чем старше становилась Катя, тем сложнее становилась жизнь и крепче чай в её стакане. Детские проблемы сменились взрослыми, иногда философские рассуждения о тленности бытия сменялись пьяными тирадами.

Затем были долгие рассуждения на тему: «Согласна-не согласна». Потом решался вопрос с именем первенца, а дальше были слёзы и слова о разводе.

Валера всегда молчал. Но делал это особенно мудро и всегда доброжелательно.

Катя пускала новые корни, а Валера свои держал при себе, переезжая из квартиры в квартиру и радуясь тому, что у его хозяйки всё в жизни налаживается.

Новый муж постоянно ворчал на Катю по поводу Валеры. Мол, двум мужикам в квартире тесно, да и как-то странно

Валера на него молчит, когда они с Катей поссорятся.

В итоге как-то раз (чисто случайно) Валера упал с подоконника, и глиняный горшок, привезённый Катей из Египта, разлетелся на кучу черепков без возможности восстановления.

Скорая реанимация помогла Валере выжить, но физический и моральный ущерб цветок всё же получил.

Новая земля, собранная поздним вечером на заднем дворе возле дороги, оказалась не очень подходящей. Обломанные ветки пришлось обрезать, да и в целом падение не очень хорошо сказалось на здоровье уже немолодого фикуса.

Неделя за неделей давались Валере тяжело. Муж периодически сливал в землю выдохшееся пиво, остывший кофе и другие малоприятные для растения продукты.

На радость мужчине и на горе Кате Валера совсем захирел. Листья начали осыпаться, и Катя приготовилась к худшему.

– Выкинь ты его на помойку! Я тебе новый куплю, – успокаивал Катю супруг.

– Вот как ты рассуждаешь? А если я чахнуть начну, ты меня тоже на помойку?!

– Ты разницу-то не видишь? Это просто фикус!

– Это не просто фикус – это мой друг!

– Да какой, к чёрту, друг, он же просто стоит на подоконнике и молчит!

– Это с тобой он молчит, а со мной разговаривает!

Муж покрутил пальцем у виска и отправился на работу.

То ли звёзды сошлись, то ли рак где-то на горе свистнул, но у Катиного мужа наконец-то наклюнулась большая сделка. Одна контора готова была закупить у его фирмы огромный объём материалов с отсрочкой. Эта сделка могла на несколько лет вперёд обеспечить семью и вывести контору на новый уровень. Предстояло лишь решить – давать отсрочку по платежу или нет. Уж больно рискованно. Фирма молодая, непроверенная, да и суммы космические. Оставались всего лишь сутки на раздумье, а после заказчики были готовы рассмотреть предложения конкурентов.

Мужчина был весь как на иголках, ведь окончательное решение зависело от него. Придя домой первым, он поставил портфель на пол и просто так невзначай произнёс вслух: «Подписать или не подписать?!»

– Не надо! – раздался тяжёлый мужской голос откуда-то с балкона.

Мужик аж подскочил. В квартире, кроме него, никого – в этом можно было не сомневаться.

– П-п-почему н-не-е н-надо? – дрожащим голосом спросил он у пустоты.

– Кому говорю, не надо! Ты что, не слышишь, что ли?! – бурчал недовольно кто-то.

Мужчина аккуратно, не сходя с места, вытянулся и увидел Валеру, мирно стоящего на балконе и подпитывающегося летними лучами солнца.

– Ты... ты... ты говорящий? – обратился он к цветку.

– Не задавай идиотских вопросов! – выругался Валера, да так, словно его ужасно раздражала вся эта беседа.

– Почему ты думаешь, что не надо подписывать?!

– Нет, ну я, по-твоему, совсем тупой и ничего не понимаю?! Тебе там лапшу на уши вешают, а ты и поддаёшься. Всё, делай что хочешь, я слова больше не скажу! – после этого Валера замолчал.

Поражённый произошедшим, мужчина выбежал из квартиры и, вызвав такси, поехал в офис, чтобы отменить сделку.

– Сергей Иванович, почему решили отменить?! – поинтересовались коллеги.

– Фикус посоветовал, – совершенно невозмутимо ответил мужчина, предложив забыть об этой сделке и не расстраиваться.

Через две недели стало известно, что эти клиенты заключили договор с другой конторой и сразу же подали на банкротство.

Ошарашенный подобными чудесами муж принес тысячу извинений растению, отдав Валеру на восстановление самому лучшему ботанику в городе, и уже через неделю Валера цвёл как ни в чем не бывало.

С тех самых пор он пил только чистейшую тёплую воду, а разговоры с ним велись исключительно в порядке очереди, так как Валера стал главным консультантом в семье, хотя больше не проронил ни слова.

Муж рассказал жене чудесную историю о говорящем фикусе, а та лишь насмешливо улыбнулась в ответ и покрутила пальцем у виска. Но муж не обиделся, он полюбил растение и ухаживал за ним многие годы, так и не узнав, что в день отмены сделки к их соседу этажом ниже приехал отец, который вышел на балкон, чтобы покурить и поговорить по телефону с женой, покупающей в этот самый момент микроволновую печь. Консультанты навязывали ей расширенную гарантию, а бдительный муж уверял, что её пытаются обмануть и настаивал, чтобы супруга отказалась от дополнительных трат.

Дворник

О том, что дворник Рома наркоман, еретик и насильник, знал каждый куст северо-западного района. Из проверенных источников, что концентрировались около подъездов, почтового отделения и сбербанка, в изобилии приходила информация о том, что именно в этих кустах дворник и творил свои дьявольские злодеяния, когда солнце передавало бразды правления луне, а мужчина брал в руки метлу и выходил убирать опустевшие улицы.

Дворник уже давно стал символом несчастий и бед у местного населения. Его имя всегда шло бок о бок с тревожными событиями, несчастиями и любыми, даже самыми нелепыми, преступлениями. Если у кого-то пропадал велосипед из подъезда – это, несомненно, было дело рук Ромы. Кто-то сломал качели на детской площадке – это дворник, урод, он ненавидит детей за то, что те раскидывают листву и фантики от конфет.

Недавно за гаражами были найдены чьи-то кости и обглоданная свиная голова. Никто не сомневался в том, что здесь Рома проводил свой очередной дьявольский ритуал, ведь именно на следующий день после находки умер дядя Андрей из пятого подъезда, который тридцать лет назад учился с Ромой в одном классе и смеялся над его большим носом и родимым пятном на пол-лица.

– От нормальных мужиков жёны не уходят и не исчезают, – услышал я как-то разговор между двумя соседками в одном из магазинов, где в этот момент отоваривался дворник.

– Я её вообще больше не видела. Не такой большой у нас город, чтобы мимо пройти да на глаза не попасться. Я точно тебе говорю: убил он её и в овраге закопал, – женщины шептались возле помидоров, а слышно было даже в отделе бытовой химии.

Рома же молча ставил в корзину две коробки молока, несколько подложек куриных желудков, с которых капала кровь, и какие-то дешёвые рыбные консервы, не обращая внимания на то, что только ленивый не смотрит в его сторону. Кассирша отводила глаза, когда угрюмый ночной служитель чистоты оплачивал покупки. Пакет Роме не предлагали по умолчанию, а он и не спрашивал, всё так же молча складывая покупки в грязный вонючий портфель, из которого выпирало что-то объёмистое и тяжёлое и, скорее всего, являлось орудием очередного убийства.

Роме постоянно ломали мётлы, снимали колёса с тележки, плевали в окно первого этажа, за которым он вёл своё скромное существование.

– Мы хотим другого дворника! – заявляла толпа особо социально активных жильцов района на пороге кабинета директора управляющей компании.

– А чем вас этот не устраивает? У вас самые чистые ули-

цы! Урны всегда пустые, даже воду в лужах собирает, чем недовольны? – удивлялся директор, театрально размахивая руками.

– Он убирается по ночам, где это видано?! – крикнул кто-то с задних рядов.

– И что? Разве это плохо? Вы встали с утра, а у вас уже всё чисто и опрятно!

– Я видела, как он по ночам в кустах с кем-то разговаривает! Наркотики там прячет или, наоборот, собирает! А ещё он оборотень, точно вам говорю. Слышала, как он воет на луну и землю роет. А вчера у меня Анечка проснулась, попить на кухню вышла, в окно глянула, а там как раз под фонарём Ромка идёт и тележку свою катит. Руки у него в крови были, и он на телеге своей кого-то вёз. Ребёнка убил, я вам точно говорю! У меня дитё уже сутки в себя прийти не может, боится на улицу выходить.

Директор управляющей компании, немолодой уважаемый человек, бывший капитан танковых войск, не выносил подобные бредни и беспочвенные обвинения, к тому же к Роме относился с уважением. Ещё бы, на весь город единственный непьющий дворник, человек, благодаря которому его управляющая компания была в списке самых образцовых организаций области. Таким кланяться при встрече должны, а ему в рожу плюют и гонят в шею.

– Всё, пошли вон! Рома остаётся, а если кому не нравится, мы вас тут не держим, переезжайте, – не выдерживал на-

чальник и выгонял толпу на улицу, громко хлопая дверями.

Люди расходились по домам, а через неделю снова заявлялись на порог с новыми историями и обвинениями.

Я переехал в этот район лишь две недели назад и уже был наслышан об этом злодее, что насилует и убивает никому не известных людей, которых не показывают в новостях и которых не ищут родственники. Хотя пару раз я видел, как к Роме заходил участковый, и слышал, как тот допрашивал его по поводу исчезновения детей, что пропали за тысячу километров от нашего города. Но весь этот допрос выглядел вяло и проводился лишь потому, что кто-то из жильцов посмотрел новости и сделал донос в полицию с просьбой проверить местного «бандита», якобы потенциального претендента на роль маньяка.

Участковый всегда уходил от Ромы красный от стыда и оставлял за собой горстку извинений, которую Рома сметал веником и выбрасывал вместе с остальным мусором, что сваливали ему на голову соседи. Признáюсь, всеобщие убеждения и уверенность целого района в абсолютной и безапелляционной вине дворника во всех возможных грехах Вселенной не обошли стороной и меня. И, заразившись этим сумасшествием, я тоже стал верить в их правдивость.

Как-то раз я задержался в гостях у друга, а когда вышел, чтобы заказать такси, на улице уже стояла безоблачная сентябрьская ночь. Хороший коньяк грел кровь, давал силу ногам и провоцировал на подвиги, ночная прохлада приятно

остужала голову. Было принято решение пройтись. Пара километров должны были успокоить разгорячённое сердце и помочь нагулять сон.

Я вышагивал по пустынным улицам, освещённым редкими оранжевыми фонарями и чистой молочной луной. Спальный район хорош тем, что способен похвастаться такой тишиной, при которой можно услышать, как неподалёку за городом по рельсам тащится товарный поезд, а в его кабине зевает машинист.

Каждый шорох, тем более стук металла, не может остаться без внимания. Так было и в этот раз. Что-то звонко бахнуло неподалёку от тренажёрного городка, установленного в прошлом месяце. Плескавшийся в желудке коньяк блокировал страх и располагал к азарту, а пять звёзд заставляли меня ощущать себя офицером полиции, оказавшимся в гуще внезапных событий. Я притормозил и прислушался. Со стороны тренажёров доносились шорохи. Кто-то тяжело дышал: было похоже, что в кустах рядом идёт борьба.

Внезапно почувствовав за собой гражданский долг, я решил, что нужно обязательно выяснить причину столь позднего шума, и затаился неподалёку за недействующим фонарным столбом. Кусты тряслись всё сильнее, в них неизвестный и прокуренный до сиплости голос велел кому-то вести себя тише.

Дав глазам привыкнуть к темноте, я внимательно оглядел местность и обнаружил то, что заставило меня слегка про-

трезветь, а сердце занять от участвовавшего биения.

Рядом с тренажёрами стояла печально известная двухколёсная тележка, на которой наш дворник (местный садист, наркоман и почитатель дьявола) возил листву и, возможно, мёртвые детские тела. Азарт стал потихоньку убывать, ему на смену пришло волнение и логическое мышление, которое говорило мне, что нужно срочно звонить реальным полицейским. Но я не спешил. Дворник годами создавал себе репутацию и не был пойман ни разу, хотя его видели неоднократно за тёмными делами. Он всегда сбегал от правосудия, потому что никто не осмеливался бросить ему вызов в открытую и поймать за руку. Я же был так близок к тому, чтобы навсегда подарить району умиротворение и покой, поэтому решил не спешить со звонками.

Нужно было срочно вооружиться и подойти ближе, чтобы оценить степень тяжести преступления. Прижавшись как можно ниже к земле, я на корточках перебрался к спортгородку и спрятался за самым большим тренажёром так, чтобы меня было не видно из-за кустов, где, кажется, находились дворник и его жертва или тайник с наркотиками. Добравшись до укрытия, я остался сидеть на корточках и попытался замедлить раскочегаренное от волнения дыхание, глубоко втягивая ноздрями остывший за ночь воздух. Неподалёку от себя я увидел большую ветку, которую спилили работники управляющей компании, когда ставили спортгородок. Она и должна была стать моим оружием в случае возможной

схватки. Я снова прислушался.

– Хватит! Отпусти, кому говорят, успокойся, не видишь, что ли, дура, у меня нож!

«Чёрт, кажется, всё-таки насилует», – подумал я, и от этого мне стало ещё страшнее, ведь здесь фигурировали такие слова, как «дура» и «нож». Им он мог пырнуть меня, а мог пырнуть жертву. В случае если что-то пойдёт не так, я мог стать причиной этих возможных последствий.

– Пока не отрежу – не лезь, нужно со всеми делиться, а не жадничать, – уже более спокойно произнёс голос.

Я ничего не понимал. Может, он всё-таки со своими подельниками-наркоманами делил добычу и их тут несколько человек – тогда мне точно несдобровать. Нужно было подождать. Нервный ком в горле не давал нормально дышать, а ноги затекали, но я не двигался.

– Вот, молочка попей. Как жаль, что Тимохи нет с нами, он молоко любил, – кажется, Рома говорил сам с собой и нёс при этом какую-то околесицу.

«Какое молоко? Какой Тимоха? О чём он вообще?» – я ничего не понимал, но нужно было выяснить всё, прежде чем атаковать.

– Линда, не жадничай, поделись с братом. Кому говорят, не жадничай!

Я был в полном замешательстве и наконец решился выглянуть из-за тренажёра.

Увиденное поразило меня настолько, что я, кажется, сно-

ва опьянел. Рома, тот самый сторож-садист, сидел боком ко мне на корточках и кормил собак. Рядом с ним стояла одна большая пушистая дворняга, а вокруг крутилось несколько кутят. На земле валялась коровья нога, а в металлические миски было налито молоко. Собаки чавкали и постоянно пытались отобрать друг у друга еду, потому Ромка и отрезал от ноги куски своим огромным кухонным ножом. Затем он встал и, обтерев руки о штаны, погладил по очереди собак.

– Всё, я пошёл дальше, а вы давайте аккуратнее, эти твари ещё могут быть где-то здесь. Могут и вас порезать, если не будете внимательны. Он схватил тележку, в которую кинул метлу, и пошёл за дом в сторону гаражей.

Я проследовал за ним. Там его уже ждала другая банда: штук десять котов нервно тёрлись о железные листы гаражей в ожидании кормёжки.

Ромка достал из портфеля подложки с куриными желудками и поставил их на землю. Затем открыл консервы и налил молоко. Голодная орава набросилась на еду и принялась громко чавкать.

Последним местом был старый овраг. Я почему-то решил, что это моё дело и нужно обязательно дойти до конца этот путь, который, судя по всему, дворник проделывал каждую ночь.

Дойдя до старого моста, который был перекинут через овраг, поросший камышом и наполовину заполненный мусором, дворник остановился.

– Федя, – негромко позвал он.

Сегодня я впервые слышал голос этого человека. Думаю, я был одним из немногих, кому вообще довелось его слышать за долгие годы. И за это мне было очень стыдно.

– Федя, ты живой? – снова раздался голос дворника.

«Кого он там зовёт? Тролля, что ли? Может, он водит знакомство с нечистью?»

Из-под моста наконец раздался голос:

– Пока да. Чего припёрся?

– Сигарет тебе принёс и пожрать.

Я всё это время прятался по кустам и ждал. С какой-то поганой и злой надеждой ждал, что Рома всё-таки окажется злодеем. Что все эти нехорошие мысли в его адрес были не напрасны, что я не чудовище, которое может вот так безосновательно осуждать человека за то, в чём он никогда не был виноват и даже наоборот, был в сотни раз лучше меня и всех людей вокруг. Но это было не так, и я ненавидел себя.

Из-под моста вылез бородатый одноногий «тролль» Федя с перебинтованной головой, который на самом деле был обычным бездомным стариком, одетым в замасленный армейский бушлат.

– Ты когда ко мне переедешь? – спросил Ромка, протягивая пачку сигарет «троллю».

Тот закурил.

– Не дождёшься! Мне твоя халупа даром не сдалась. Ты посмотри, какое небо, – поднял он голову и выпустил в хо-

лодный воздух струю дыма. – Разве смогу я спать под потолком, когда такая красота над моей головой?!

– Нет, не сможешь, – грустно ответил Рома и тоже закурил.

Они постояли так минут десять, а потом Рома двинул в сторону домов, где принялся наконец за свою работу.

Я подошёл к нему осторожно со спины, не зная, что сказать, но чувствовал, что сказать что-то нужно.

– Чего тебе? – спросил он вдруг, не оборачиваясь.

– Я... Я это... Поздороваться хотел, – ничего на ум не шло.

– За этим всю ночь за мной следишь?

«Так он видел меня! И ничего не говорил!»

– Нет. Я просто хотел...

– Хотел поймать меня за какой-нибудь гадостью?

Я молчал.

– Расстроил я тебя? – он говорил, по-прежнему стоя спиной ко мне, подметая асфальт и дымя сигаретой.

– Простите меня. Я думал, что вы маньяк. А вы, оказывается...

– Кто? – он наконец обернулся, и в свете луны я увидел его полные жизни, мудрости и доброты глаза. Он был изгоем общества, но он не был тем, кем его считали, не мог быть в принципе.

Я не нашёл слов. Чувствовал себя глупо, поэтому перевёл тему.

– А что с Тимохой случилось?

– Какие-то сволочи его порезали. Бедный пёс не выжил.

Пришлось похоронить.

«Так вот почему у него были руки в крови, вот кого он вёз в тележке!»

– А с Федей что? Почему он живёт под мостом?

– Федя болен. Не буду говорить чем – не твоё это дело. Он сам решил для себя, что является обузой для всех, вот и живёт там, доживает. А я не настаиваю, он взрослый мальчик, это его дело. Я чем могу помогаю.

– А почему вы остальным не расскажете, чем занимаетесь? Все же думают, что вы маньяк!

– Пусть думают, что хотят, они тоже не малые дети. Мне оправдываться не перед кем. Обиды, зависть, злость – это мусор, и он копится в душе, а потом, когда его становится очень много, он лезет через край и вываливается на других. Отсюда и грязные слова. Из своей души я давно всё вымел, там тишина и покой. А вот тебе ещё предстоит взять в руки метлу и разобраться с тем, что у тебя внутри. Главное – мести качественно, не оставлять ни соринки, иначе можно не заметить, как грязь налипнет, превратится в гору, и её уже ничем не отшкрябать, – он показал мне на подметённый участок.

Я посмотрел на асфальт, он был идеально чистым, таким же чистым, как и Ромина совесть.

Следующей ночью я шёл навстречу Роме с пакетом продуктов в руках и метлой: мне тоже не терпелось навести по-

рядок в душе.

Просвещённый

Когда Федя заявил, что собирается стать веганом, смеялись все: жена, друзья, продавцы гастрономии, где и было оглашено заранее подготовленное объявление, и казалось, что даже шашлык в вёдрах иронично похрюкивал.

Вид у Феде был серьёзней, чем у президента во время предвыборной агитации. Когда он сказал, что на него мяса не брать, на прилавок было возвращено пять килограмм из десяти. Жена попросила в письменной форме подтвердить, что он не будет покушаться на её порции во время застолья, и два экземпляра было заверено у пяти свидетелей и нотариуса.

В продуктовую корзину была набрана целая гора мясозаменителей: грибы, импортная спаржа, баклажаны, тофу, сейтан, соевые котлеты и ещё что-то с очень пугающим названием.

– С таким чеком проще было бы кормить тебя стейками на завтрак, обед и ужин, – вздохнула жена на кассе.

Когда Федя начал доставать из тележки литровые бутылки коньяка, жена попросила его обратиться в трезвенники, как только его попустит с веганства. На что Федя презрительно фыркнул и брезгливо добавил:

– Слышал я про эти современные движения. Думаю, не приживётся.

Не успел Федя сесть за руль и развернуть творожный сырок, как его тут же отобрали.

– Ты чего, Вась? Совсем оборзел? У тебя свой есть! – возмутился такой наглостью новоиспечённый «травоядный».

– Сырок из чего сделан?! – громко и по-профессорски важно спросил Вася, облизывая губы.

– Из пальмового масла, – испуганно ответил Федя.

– А ещё из творога. Так что забудь: веганы не едят продукты животного происхождения!

– Но! Но как же! Наташ?! – смотрел он жалобно на жену, но та лишь покачала головой, с трудом скрывая улыбку.

– Это что же получается, мне теперь и взбитые сливки нельзя? И капучино тоже?

– Если только на соевом молоке, но я не знаю, где в нашем городе такой делают. Ну что, передумал? Ещё не поздно вернуться за шашлыком.

Феде стало душно, он начал задыхаться. Он вышел из машины и стал накачивать лёгкие свежими выхлопами, гуляющими на автостоянке. Было видно, как Федю разрывает изнутри. Сначала он покраснел, потом пожелтел, когда начал зеленеть, несколько людей через улицу перешли дорогу в неположенном месте.

– Нет! Не дождётесь! – заявил Федя, вернувшись в машину, и в знак своей непоколебимости показательно надкусил помидор, обрызгав соком весь салон.

На шашлыках Федя был мрачнее тучи. Стол, как нароч-

но, стоял неподалёку от мангала. Новообращённый веган видел, как румянилось мясо, слышал, как шипели сок и жир, капающие на угли, чувствовал кисло-сладкий запах маринада, сдобренного душистыми приправами. Своими слюнями Федя полил половину огорода и дважды затушил костёр, но к мясу так и не притронулся. Всё шло не так: коньяк не пьянил, песни не пелись, а когда дело дошло до игры в «крокодила», Федя во всех пантомимах видел только поросят и телят, из-за чего трижды поругался с женой и с остальными дамами тоже.

Когда шашлык наконец был приготовлен, Федю допустили к мангалу. Дрожащими руками он насаживал грибы и баклажаны на шампуры, разыскивая на них глазами прилипшие кусочки мяса. «К счастью», шампуры были очищены до блеска и даже жир с них был протёрт тряпкой. Федя дважды проверил это на язык и одобрительно кивнул.

– Я тобой так горжусь! – поцеловала Наташа своего целеустремлённого мужа, когда тот нюхал подгоревший баклажан.

От жены пахло жареным, губы её блестели и напоминали Феде о прежней жизни – до того, как он решил измениться. Мужчина страстно поцеловал жену, а потом ещё раз, и ещё. К концу вечера она не знала, как скрыться от его «любви», так как Федя с бешеными глазами постоянно требовал поцелуев.

Ночью у Феди случилась первая ломка, которую он стои-

чески вынес. В половине четвёртого утра он разбудил жену, жёстко трясая за плечи, и с пеной у рта потребовал немедленно нажарить соевых котлет. Кошка, опасаясь за собственную жизнь, спряталась за шкаф и не выходила оттуда до стойкой ремиссии хозяина.

На следующий день Федя проснулся обновлённым духовно и очищенным от всех шлаков и токсинов телесно. Когда жена ела за завтраком сосиску и бутерброды с сыром, Федя бросил на неё надменный взгляд и, помешивая соевое молоко в кофе, уплетал бутерброды с тофу, морщась, как он говорил, от «слишком горячего напитка».

– И зачем нам эта дрянь в холодильнике? – высокомерно спросил он, глядя на сковороду гуляша, который сам же и просил приготовить два дня назад.

У жены аж сыр на бутерброде расплавился от возрастающего напряжения.

– Федя, может, веганство и сделает тебя более здоровым, но вот бессмертным – вряд ли. Ещё раз мою еду дрянью назовёшь, будешь котлеты свои через трубочку есть, андерстенд?

Мужчина грозно фыркнул, предупреждающе кашлянул, нахохлился, надулся, покраснел, чихнул и, молча хлопнув дверью, ушёл туда, где его поймут и примут таким, какой он есть, – на работу.

В слесарном цехе Федю уважали и любили. Он был примером и гордостью предприятия. Двадцать лет токарь зарабатывал себе имя. Кто бы мог подумать, что один обеденный

перерыв способен перечеркнуть всё, за что он боролся.

Когда уставшие, разопревшие от работы мужики открыли термосы с горячими щами и домашними пельменями, Федя почувствовал, как внутри него ещё бьётся хищник: он скулит и воет, ждёт, когда веган сдастся. Но Фёдор был не из слабых. Мужчина встал посреди столовой и, гордо подняв к потолку огурец, призвал всех здравомыслящих присоединиться к нему.

Федя был послан четыре раза, но не успокаивался. А когда он схватился за большую сардельку старшего бригадира Петра Семёновича, дамбу всё же прорвало. Федю били всем цехом, но несильно и уважительно – в память о его прежних заслугах. Затем его привязали к стулу и попытались насильно накормить говяжьим ростбифом и салом с чесноком. Федя отбивался как мог и думал, как несправедлив мир к людям, которые пытаются открыть глаза другим. Он хотел об этом кричать, но стоило бедолаге открыть рот, как его тут же пытались накормить чем-то страшно вкусным.

Начальник позвонил жене токаря и рассказал ей про ситуацию. В ответ Наташа лишь попросила не шадить несчастного вегана, иначе она с ним с ума сойдёт. Федя не сдавался, но в конце рабочего дня его всё же пришлось отпустить. На завтра ситуация повторилась, и стало ясно, что в Федю вселился злой дух. Помочь здесь мог только обряд «голубцизма» – именно так назвала это Наташина свекровь. Узнав о проблеме, она немедленно приехала прямо на завод.

Связанного Федю усадили за стол. Тётя Маша достала из сумки свою фирменную красную кастрюлю и приказала подставить под Федю ведро для сбора слюней. Когда крышка с кастрюли была снята, несколько человек потеряли сознание. Запах знаменитых голубцов распространялся быстрее атомного взрыва и поражал даже самых стойких. Перед Федей была поставлена тарелка с двумя экземплярами. На лбу мужчины скапливался пот, за грудиной пылал огонь. Когда тётя Маша достала из сумки деревенскую сметану и нещадно плюхнула половину банки на блюдо, Федя отключился. Его привели в чувство, похлопав по щекам, и сменили наполнившееся ведро.

– Сына, либо ты сейчас ешь, либо у тебя нет больше матери! – грозно сказала женщина.

– Но, мама, я не хочу есть мясо, зачем ты меня мучаешь?! Я решил измениться, хочу похудеть и быть здоровым, – плакал горькими слезами токарь, а сам уже тянулся к голубцам.

– Не нравится, когда тебя против воли заставляют?! А сам ко всем лезешь со своим веганством, будь оно неладно. Наташку бедную достал, мужиков, вон, заставил тебя связать. Будешь ещё к людям приставать?!

– Не буду! Не буду! Только убери от меня голубцы, а то я сейчас сорвусь! – кричал токарь, пытаясь вырваться.

– То-то же, – сказала тётя Маша и отдала кастрюлю работягам, которые подрались за голубцы до крови.

Федю развязали и, взяв с него обещание больше никого

не доставать своими принципами, отпустили до конца дня домой. Тётя Маша передала сыну сумку, в которой, помимо голубцов, были ещё разносолы, кабачки, помидоры и целый пакет яблок – всё с её огорода.

– Тёть Маш, думаете это навсегда? – обратилась к свекрови Наташа.

– Ой, это у него от отца. Тот и буддистом был, и сыроедом, а однажды мы всем подъездом его из асаны выпутывали, когда он йогой увлекся. Не переживай, лет через пятнадцать определится и успокоится. Если что, звони, у меня рука на это набита. Нам, непросвещённым, нужно держаться вместе.

Опасная подработка

Руки у Мишки были золотые. А всё благодаря тому, что он пролил банку золотой патины, которой должен был декорировать камин.

Ремонт Мишка ненавидел всем сердцем, от одного только этого слова у него обострялся геморрой и чувство социальной ответственности. Мишка вспоминал о том, что пропустил субботник в прошлом октябре, не расчистил от снега парковку, не покормил бездомных собак. Все эти дела, по его словам, не терпели отлагательств и имели чуть ли не государственное значение, несмотря на то, что собак он боялся до смерти, а на улице стоял удивительно тёплый май.

Мише было двадцать пять, и он сделал всё для того, чтобы избежать встреч со злосчастливым шпательем и безжалостным правилом: закончил с отличием театральное и стал выступать на сцене городского театра, правда, пока только в роли декораций и массовки. Но это не имело никакого значения – отцовские калымы остались обязательной программой в его жизни, и причин этого проклятия было три.

– Родителям помогать нужно, – загибал обрубленный наполовину болгаркой палец отец, – это раз, неблагодарный ты кусок современного инфантилизма. Два: что у тебя за профессия такая? Ты, часом, не из этих?

Кто такие «эти», Миша никогда не понимал, но звучало

очень обидно.

– И три: не хочешь помогать, паразит, вали из бабкиной квартиры и покупай свою в ипотеку!

Ещё меньше, чем месить раствор, Мишке хотелось съезжать с халявной жилплощади, ведь за роль дерева в театре платили не очень много, и потому собаки оставались голодными, парковка утопала в снегу, а субботник переносился на следующий октябрь. Зарплату отец выдавал бесценным опытом, но за косяки карал рублём.

– Вот научишься сейчас всему, а потом сам будешь заказы брать и дома ремонт сделаешь, – отмахивался отец каждый раз, когда сын кланчил жалование.

Ремонт дома делать Миша зарекся раз и навсегда. Бабкины обои в цветочек оттенка тяжёлого несварения имели статус неприкосновенности, несмотря на то что вызывали апатию и необузданное желание смотреть передачи Малышевой в кресле, попивая лавандовый чай.

Про заказы, которые Миша будет брать после того, как всему научится, говорить смысла не было, потому что ответственную работу Мише не доверяли. А он и не настаивал.

Когда банка с позолотой упала на пол и расплескалась так, что перепачкала всё в радиусе пяти метров, Миша ещё не осознавал всю серьёзность трагедии и для начала попытался оттереть самое большое пятно кончиком своего дырявого носка. Краска замечательно втиралась в итальянский паркет и придавала ему благородный золотой оттенок, которо-

му позавидовали бы высшие цыганские чины. К великому сожалению Миши, золотое пятно совершенно не сочеталось с древесным рисунком пола и выглядело отнюдь не богато, а скорее наоборот – вызывало не самые лучшие ассоциации.

Тогда Миша схватил первую попавшуюся под руку ткань, которая, как ему показалось, почему-то пахла старостью. Добротню пропитав её растворителем, он начал процесс реставрации «наверняка недешёвого» материала.

Растворитель хорошо разъедал всё: ткань, руки, паркет, Мишкино будущее, но совершенно не собирался разъедать краску.

Когда отец вошёл в комнату, громко разговаривая по телефону с хозяином дома, подбивая с ним дебет с кредитом и гордо сообщая о том, что ремонт закончен, а винтажные занавески девятнадцатого века, лежавшие на диване во время работ, испачканы не были, Миша сразу всё понял.

– Да-да, я помню, что точно такие же висят Лувре. Да, знаю, что с трудом провезли через таможню. Нет, не волнуйтесь, всё в идеале – голову даю на отсечение.

Держа в руке будущее отцовской головы, Миша прикидывал, в каком столетии он закончит калымить, чтобы покрыть нанесённый ущерб, и пришёл к выводу, что недалёк тот час, когда он лично расскажет портному, сшившему эти занавески, об этом курьёзном случае, и они вместе посмеются.

Отец не сразу заметил ЧП и первым делом оценил позолоченный камин, подняв большой палец вверх и одобчительно

поджав губы.

– Паркет? Паркет в порядке, если вы... – он не успел договорить, потому что глаз его наконец наткнулся на пятно.

В этот момент лицо отца приобрело вид бабкиных обоев, и кишечник его, судя по всему, готов был выдать порцию новых «рулонов», но он кое-как сдержался:

– Пи***ц, – произнёс негромко пожилой мастер.

В этом слове было всё: описание ситуации, удивление, разочарование, вопрос и даже чуточку юмора.

– Вы о чём? Что случилось? Ау, Фёдор? – тараторил мобильный, но Фёдор уже не слушал.

Промычав что-то невнятное в трубку, он сбросил вызов и первым делом закурил.

Миша хотел было сказать отцу, что курить в квартире заказчика не сто́ит, но, увидев его взгляд, передумал. Он молча стоял минут десять, ощущая вибрации отцовских мыслей, от которых весь этаж ходил ходуном.

– Хорошо, что тебя в армию не взяли! Не дай бог, довели бы нести гранаты, – облегчённо заметил отец, а потом вполголоса добавил: – Говорил я ей, что не нужно ходить на йогу во время беременности, безруким родится... А она знай своё.

Тут взгляд отца упал на пустую банку растворителя, и Миша заметил в его глазах слабый огонёк надежды.

– Ты вот этим паркет тёр?

Миша судорожно кивнул.

– Это для чистки засоров в трубах. Сантехник вчера забыл, а растворитель в ведре лежит, – отец говорил тихо, видимо, боясь спугнуть возможное решение, внезапно залетевшее в их несчастливое гнездо.

Миша тут же бросился к ведру и выудил из него спасительную баночку уйат-спирита, который уже собирался нанести на тряпку, но, споткнувшись о взгляд отца, передумал.

– Не ссы, Мишань, лей. Всё равно теперь в Париж ехать.

В Париже Миша мечтал побывать со студенчества: съесть на завтрак круассан, лениво прогуляться по вечернему Монмартру, покататься на каруселях Диснейленда, посетить Лувр...

С последним Миша не прогадал: именно туда, по словам отца, ему и придётся попасть в ближайшие двадцать четыре часа, чтобы восстановить причинённый ущерб.

– Как?! Я?! Сдирать занавески? В Лувре?

– Либо ты сдираешь занавески, либо с нас с тобой сдирают кожу и вешают на окна вместо них – третьего не дано, – замогильным голосом произнёс отец.

Кожи Мише лишаться не хотелось, больно уж ему она нравилась, да и занавески из него выйдут некачественные, худые, перед людьми неудобно.

– Прости меня, пап, – вытер проступившую слезу парень. – Ну не хочу я ремонтами заниматься, не моё это. Я на сцене хочу быть, – горе-строитель оттёр паркет и стал собираться, попутно заказывая такси.

Отец всё это время молча смотрел на поникшего сына – будущего интернационального преступника, а когда пришла пора прощаться, вместо руки протянул сыну шпатель.

– Я постараюсь без жертв, – произнёс осипшим от страха и слёз голосом Миша.

– Да какие жертвы! Иди, вымой инструмент, будем домой собираться.

– То есть как – домой?!

– А вот так. Мы здесь закончили.

– А как же занавески?! Лувр? Кожа?

– Это на другом объекте, я вчера его без тебя закончил.

– Так ты что же, специально меня разыграл?!

– А ты думал, в мать артистом пошёл? Хех, да чтоб ты знал, я в твоём возрасте Гамлета играл, Раскольников, даже Анну Каренину пару раз пришлось. Меня на все спектакли брали, но платили только обещаниями и театральной мебелью. Потому и пришлось в отделочники податься. Хотел и тебя образумить, да вижу, что без толку – принципиальный рукожоп вырос. На, возьми, – отец достал откуда-то из кармана увесистую пачку купюр.

– Это чё? – спросил шокированный откровениями родственника Миша.

– Моральная компенсация жертвам актёрской игры. Шу-чу. То, что ты заработал на калымах за последние пять лет. Решил, что ты деньги на ерунду потратишь, вот и откладывал для тебя. Поезжай в столицу, покоряй большие сцены.

В песочнице всё серьёзно

– Пётр Аркадьевич, вы сегодня как будто сам не свой.

– Ой, Алёна Викторовна, и не говорите! С самого утра голова кру́гом идёт. Представляете, в кашу вместо изюма мне сегодня чернослив положили!

– Ужас какой! И что, съели?

– Нет, разумеется, пришлось плакать. А вы знаете, как я это не люблю.

– Знаю... А я вот без плача никак, чуть что – сразу в рёв.

– Это всё потому, что зубы у вас сейчас активно режутся, не берите в голову, попробуйте пожевать лопатку или карандаши, ещё слюнопускание хороший эффект оказывает. Но это, скорее, нетрадиционная медицина, тут больше дело веры. Передайте лучше мне вон ту формочку.

– Пожалуйста.

– Благодарю.

– Всё сидите? – подошёл к песочнице мальчуган в перепачканных землёй и каким-то мазутом шортах. Из носа его медленно стекала зелёная сопля, которая, кажется, совсем не создавала ему неудобств.

– Сидим, Эдуард Вениаминович, что же нам ещё делать. Вот куличей налепили, будете?

– Нет, я на диете. Пойдемте лучше на карусель, мне одному её не раскрутить, помощь нужна.

– Карусели – это так тривиально, – лениво вздохнула девочка, покусывая лопатку.

– Как хотите, моё дело предложить. А крапиву бить пойдёте? Она в этом году знатная выросла, кусачая, – смотрел он с надеждой на паренька в песочнице.

– Алёна Викторовна, вы не против? – обратился малыш к своей подруге, после того как снял очередную формочку и получил на выходе идеальной фактуры цилиндр.

– Это ваше дело, мужское. Идите, я не в обиде. Только, ради всего святого, возвращайтесь и попросите Эдуарда впредь вытирать сопли, у меня аллергия на неаккуратность и непотребный вид.

– Благодарю. Засим откланиваюсь. Я скоро.

Петя вприпрыжку добежал до скамейки, где сидел материнский коллектив, наблюдая за своими чадами. Там он выпросил свой игрушечный меч и радостно поскакал в сторону куста с крапивой, которую с особым пристрастием уже побеждал Эдик.

К Алёне тем временем посадили нового члена клуба любителей фигурной лепки, который сразу же, пропустив церемонию знакомства, начал демонстрировать девочке свою коллекцию игрушечных машинок, которых у него был целый карман.

– Это вот мелседес, а это ламболгини, а это танк! – гордо показывал он свои любимые модели.

– А куклы у вас есть? – любопытствовала Алёна, не пре-

крашая лепить несъедобные пирожки из сыпучих ингредиентов.

– Есть Железный человек и Халк!

– Халки девочкам неинтересны, вот если бы...

Она не успела договорить, потому что её новый сосед вытащил из кармана кучу цветных фантиков. Внутри ярких шелестящих бумажек таились вкусняющие конфеты-желе.

– Ой, а как вас зовут? – заулыбалась Алёна и отложила инвентарь в сторону.

– Меня – Никита.

– А по отчеству?

Никита пожал плечами.

– Ну батюшку вашего как величают?

– Безотцовщина я, только мамка, – показал Никита в сторону своей мамы, которая была самой молодой из всех мамаш, сидящих на длинной скамейке.

– А маму-то как хоть зовут?

– Елена.

– Значит, вы Никита Еленович! – торжественно сообщила Алёнка и слепила для своего нового знакомого шикарную песочную звезду.

– Лучше плосто Никита. Надоело мне в песке сидеть, пойдём лучше на калусель.

– Но карусель – это так... – девочка не успела договорить, потому что Никита протянул ей несколько конфет, – это так чудесно! Пойдёмте!

Они встали, отряхнули от песка колготки и неуклюже потопали в сторону карусели. Никита сел, а Алёна раскручивала его. Как только девочке это надоело, Никита давал ей новую конфету, и карусель снова набирала обороты.

Двое ребят наконец победили вражеский куст и, обливаясь потом, вернулись к песочнице, где, по мнению Пети, его в томном ожидании искала глазами принцесса Алёна и порция несъедобных куличей. Заметив девочку, раскручивающую карусель с сидевшим на ней неопознанным пришельцем, он подбежал и, замахнувшись пластмассовым мечом, крикнул:

– Он вас обижает? Шантажирует? Одно ваше слово – и я отрублю ему голову!

Алёна только дожевала очередную конфету и, в очередной раз крутанув карусель, сказала:

– Нет, я сама.

– Но мы же с вами играли в песочнице, меня не было всего пять минут!

– Да, но за эти пять минут я стала обладательницей нескончаемого запаса вкусных конфет и, представьте себе, танка! А вы, Пётр Аркадьевич, с вашим другом, у которого, кстати, снова текут сопли, можете и дальше побеждать злостную крапиву.

В этот самый момент Алёна получила новую порцию сладостей и, улыбнувшись, отвернулась к новому другу.

– Эдуард Вениаминович, ну вы-то, как человек знающий,

объясните, что этим женщинам надо? Я ведь для неё горы готов свернуть, а она, вот так просто, за танк и желе, ушла с другим, да ещё и на карусель!

Эдик вытер соплю и, не придумав ничего лучше, сказал:

– А пойдёмте молока напьемся, у меня его всегда навалом, глядишь, и мысли дурные из головы уйдут!

– А пойдёмте!

* * *

Женщины на скамейке сидели с телефонами в руках, снимая своих карапузов и умиляясь их малоразборчивой речи.

– Везёт же им – никаких забот! – произнесла мама Никиты, и все её поддержали.

На сайте знакомств

То, что они не подходят друг другу, Лев Валерьянович понял, когда прочёл в её анкете: любимое блюдо – окрошка на кефире.

– Это вообще законно? – спросил он у своей внучки, которая и предложила ему посетить сайт знакомств.

– А что такого? Я тоже люблю на кефире.

Лицо Льва Валерьяновича вдруг стало пунцовым, он посмотрел на девушку испуганными глазами, а затем сказал:

– Это всё корни твоей матери виноваты. Говорил я Димке, что москвички все с прибабахом, а он знай себе женился.

– Так, не отвлекайся, давай дальше смотреть! Любимые животные – мопсы.

– Точно нет! Давай следующую! – запротестовал мужчина, вырывая мышку из рук внучки.

– Почему? Чем тебе мопсы не угодили?

– Я их боюсь. Они мне нашего старшину напоминают! Каждый раз, когда вижу, хочется подшиву проверить на предмет чистоты. А ведь я на дембель при царе Горохе ушёл.

Внучка закатила глаза и продолжила:

– Знание языков: немецкий, медицинская латынь. Ой как интересно!

– Фашистка-гинеколог, что тут может быть интересного?

Девушка смерила старика взглядом и сурово поджала гу-

бы.

– О, у неё хобби есть!

– Сатане, наверное, поклоняется.

– Деда!

– Что деда?! Всё на это указывает!

– Нет! Любимое занятие – рыбалка и охота! Ну что, съел?

– Рыбалка, значит? А ну-ка, есть ещё фотки?

– Профиль закрытый, нужно сначала добавиться в друзья, чтобы посмотреть.

– Глядите, какая деловая колбаса. Ладно, пиши ей, что я, так и быть, согласен стать ей другом.

– Отказ.

– Что значит отказ?!

– Она тебе отказала.

– Что за ерунда? А ну, отойди, сейчас я ей дам отказ!

Дед натянул очки и, медленно стуча указательными пальцами по клавиатуре, набрал текст и нажал «Отправить».

– Тут можно сделать так, чтобы мне могли писать только те, кто у меня в друзьях?

– Конечно. Нужно вот сюда нажать, на настройки приватности.

– Жми, сейчас в друзья будет добавляться.

И точно, меньше чем через минуту в углу профиля горела красненькая циферка «1».

– Что ты ей такое написал? – удивилась внучка.

– Написал как есть. Что она очень красивая, жаль вот

только, что дура.

Девушка ахнула.

– Дед, ты чего наделал? Разве можно такое людям писать?!

– Ничего, пусть подумает над своим поведением, отказы она мне тут шлёт! Вон, смотри, уже ответ строчит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.